

Системная диагностика социально-экономических процессов

Системные риски и возможность предупреждения их последствий*

В.Н. Лексин

Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление»,
Российской академии наук, г. Москва, Россия

Аннотация. В статье рассмотрены сущность, генезис и потенциальная возможность предупреждения последствий системных рисков, принципиально отличающихся аномально высоким уровнем неопределенности от рисков принятия решений в сфере управления проектами транспортно-логистического, производственного, градостроительного и иного характера. Показано, что системные риски чаще всего возникают в турбулентной среде общественно-политических и социально-экономических процессов современности и разносторонне воздействуют на структуру и внутренние связи сложнейших антропогенных систем. Предвидение возникновения и усиления таких рисков, равно как и опережающая подготовка к их последствиям сложны, но возможны и это иллюстрируется двумя примерами гипотетических управленческих реакций.

Ключевые слова: системные риски, неопределенности, антропогенные системы, трансформации, депопуляция, кадровый потенциал, санкции.

DOI: 10.14357/20790279250301 **EDN:** SLRZAE

1. Системные риски, их генезис и последствия

На предыдущих этапах исследования [1,2] было показано, что неопределенности и риски имманентно свойственны всем изменчивым явлениям нашего мира. Здесь и далее рассматривается семейство системных рисков, возникающих как следствие глобальных и системно организованных трансформаций в обществе и природе, проявляющихся в

форме множества факторов и долговременно воздействующих на характер протекания масштабных общественно-политических и социально-экономических процессов. Системные риски формируются и развиваются в среде с аномально высоким уровнем неопределенности, и это, в первую очередь отличает их от рисков принятия традиционных управленческих решений. Существенно отличен и предмет воздействия этих рисков: не конкретные проекты любого масштаба, а многокомпонентная структура и внутренние связи сложнейших антропогенных пространственных систем, формируемых нашими различно организованными сообществами

* Исследование выполнено в ходе работ по проекту «Развитие методов и информационных технологий системного анализа и управления в условиях неопределенности и риска»; научный руководитель д.т.н., академик РАН Ю.С. Попков.

и их административно-властными, политическими и бизнес-интересами.

Принято считать, что возникновение системных рисков всегда и везде провоцируют внешние по отношению к нам глобальные изменения экономической, природоресурсной, демографической, национально-этнической, внешнеполитической и экологической ситуации, а также трансформации межстрановых отношений, вооруженные конфликты и мало предсказуемые поведенческие эскапады мировых лидеров. В действительности же, внешнее «провоцирование» не главное: генезис большинства системных рисков, как правило, внутри-страновой, своего рода «доморощенный». Такие риски возникают, вызревают, окрашиваются в национальные цвета и требуют ответных (как правило, запоздалых) действий только внутри тех государственных или блоковых структур, которые всем ходом своего недавнего прошлого оказались наиболее восприимчивыми к вышеуказанным «провокациям» и, более того, рассматривали их как исторически обусловленные, нужные и полезные. Так, системные риски самого существования России в перестроечные и постперестроечные годы были подготовлены в ходе многолетнего кризиса общественных отношений и массовых стремлений все изменить во всех сферах государственного управления, хозяйственной, социальной, национально-этнической и культурно-идеологической жизни. А внешнее, так называемое «тлетворное» влияние Запада, было существенной, но не главной движущей силой формирования системных рисков России 80-90-х годов. Аналогично этому в тот же период в большинстве стран Западной и Восточной Европы накапливались системные риски устойчивости европейского миропорядка: отказ от его ценностных оснований, идеология глобализма и мультикультурализма, размывание национальной идентичности, тотальная толерантность, гедонизм, воинственный феминизм и отказ от традиционных семейных отношений. Последствия таких системных рисков наглядно проявляются в наше время.

Трудно ли прогнозировать системные риски? Да, потому что причины и масштабы их возникновения и последствий концептуально и содержательно отличаются от традиционных предметов методологически разработанных прогнозов – преимущественно финансово-экономических (ВВП, инфляция, уровень безработицы, номинальная и реальная заработная плата, баланс консолидированного бюджета, экспорт и импорт товаров и услуг, курс рубля) и социально-демографических (ожидаемая продолжительность жизни, рождаемость и смертность, изменение численности населения,

динамика численности городского и сельского населения, внутренняя и внешняя миграция). Не случайно, что прогнозы системных рисков глобального и локальных изменений климата методологически и по существу отличны от прогнозов реализации самых сложных проектов. А такие известные прогнозы развития и последствий системных рисков (например, в работах П. Сорокина, С.Хантингтона, Ф. Фукуямы или З. Бжезинского) опирались более на наметившиеся изменения исторических, социальных и общественно-политических процессов, чем на строгую научную методологию. Как ни парадоксально, но наглядная успешность таких «пророчеств» как бы свидетельствовала о возможности обходиться без разработки и использования специального методологического аппарата. Однако вхождение стран и народов в эпоху тотальной неопределенности, нестабильности (турбулентности) и нелинейности протекания общественно значимых явлений делают уровень системных рисков столь высоким, что наличие хотя бы концептуально-методологических основ их изучения становится все более актуальным.

Катастрофичны ли системные риски? Да, хотя и не в той мере, последствия которых принято называть системными кризисами и угрозами, требующими принятия неординарных решений [3–6]. Рассматриваемые риски (особенно, продолжительные) угрожают сложным антропогенным системам, незаметно, но неотступно изменяя их функции, потенциал и возможности адаптации и саморазвития. Можно ли противостоять системным рискам? Это практически невозможно, поскольку их появление и накопление силы, как уже отмечалось, есть следствие тех изменений, которые представляются естественными и часто благотворными. Однако вполне возможно противостоять их последствиям, но для этого следует, во-первых, осознать (властям, населению, бизнесу) системные риски реальностью и опасностью и, во-вторых, предупредить их воздействие на самые ответственные и уязвимые компоненты антропогенных систем. Это сложно, но выполнимо, и далее рассматриваются два примера: возможности предупреждения последствий системных рисков сокращения кадрового потенциала различных сфер жизнедеятельности и системных рисков изменения антироссийской санкционной политики.

2. Системные риски депопуляции и сокращения кадрового потенциала

Потери кадрового потенциала (подготовленных работников для разных сфер жизнедеятельности

сти) устойчиво сопровождали и были следствием депопуляции во все периоды ее истории. В давние времена периодическое разовое снижение численности населения и квалифицированных кадров из-за междоусобиц и многолетнего ордынского лихолетья, чумных и холерных эпидемий относительно быстро компенсировалось многодетностью семей и государственными мерами привлечения зарубежных специалистов. Чудовищные потери принесла война 1941-1945 гг., но и они в течение 10 лет были компенсированы успехами фармакологии (в т.ч. началось широкое использование антибиотиков), становлением разветвленной и специализированной структуры бесплатного здравоохранения и другими факторами, хорошо изученными нашими демографами[7], а также укреплением и расширением уникальной сети профессионально-технических, медицинских и педагогических училищ, техникумов и ВУЗов по всем направлениям экономики и социальной сферы.

Однако если в 1970-1971 годах в РСФСР суммарный коэффициент рождаемости был выше 2,0 (что позволяло поддерживать естественное воспроизводство населения), то к 1980-1981 годам он снизился до 1,895. Среди причин снижения рождаемости были как общее сокращение населения репродуктивного возраста (так называемая «демографическая яма» как следствие Великой Отечественной войны), так и рост числа разводов, аборт, мужской смертности. В 1990-х годах на вторую «демографическую яму» наложились последствия распада Советского Союза и связанных с этим экономического и социального кризисов. Смертность населения РФ в 1990-х годах в 1,5 раза превышала рождаемость, а в 1992 г. естественный прирост населения впервые со времен Великой Отечественной войны сменился убылью. И эта тенденция продолжается до настоящего времени, причем важнейшим фактором депопуляции в России стал системный кризис семейных отношений и скептическое отношение к деторождению как таковому. Россия вступила в совершенно новую для нее сферу добрых, брачных и вместибных отношений[8]. Энергия (и время) молодых людей отныне получили доминирующее направление на выживание и утверждение в агрессивной конкурентно-рыночной и общественно-политической среде, на самореализацию в обществе потребления. С выпадением России из относительно устойчивых связей с Западом и необходимостью решать задачи самообеспечения всеми видами промышленной продукции все отчетливее стал проявляться и кадровый кризис.

Системные риски и слабые надежды на саморазрешение демографического и кадрового

кризисов осознаются и населением России и ее руководством. Меры, принимаемые федеральными и региональными властями для нивелирования последствий этих кризисов, хорошо иллюстрирует ситуация на Дальнем Востоке и в Арктике, ускоренное развитие которых требует наличия тысяч новых постоянных работников. Не удивительно, что в 2024 г. главой Минвостокразвития было заявлено: «главным вызовом в развитии Дальнего Востока и Арктики является удержание населения»¹. Это словосочетание стало обозначать не запрещение перемещаться на новое место жительства, а различные способы, во-первых, стимулирования местного населения оставаться для проживания и работы в своем регионе и, во-вторых, преференции для тех, кто решит переехать для работы и жительства на особо значимые для государства территории. В постсоветской России Дальний Восток стал территорией, где к 2023 г. численность населения в его современных границах² по сравнению с 1990 г. сократилась на 24% (почти в 20 раз больше, чем в среднем по России). В информационно-аналитическом материале ФАНУ «Востокгосплан»³ указывалось, что за 2018–2023 годы общая убыль населения Дальневосточного федерального округа (ДФО) составила 274,6 тыс. человек, ожидаемая продолжительность жизни при рождении в 2022 г. была на 3,2 года меньше средней по стране, и прогнозировалось, что к 2030 году численность населения в макрорегионе может снизиться еще на 216 тыс. человек. По данным Росстата на 1 января 2025 года в ДФО за 2024 год этот показатель сократился еще на 12,8 тыс. человек, или на 0,16%.

Выступая на пленарном заседании девятого Восточного экономического форума, Президент РФ говорил о значении подготовки местных квалифицированных кадров и выражал уверенность, что «сработали наши адресные меры поддержки в рамках программ «Земский учитель», «Земский доктор» и «Земский фельдшер». Были вдвое увеличены единовременные выплаты: для педагогов и врачей, которые переезжают работать в села и по-

¹ Чекунков А.О. В новой глобальной системе координат роль Дальнего Востока будет возрастать // Сайт Фонда Росконгресс, 2 сентября 2024 г. — <https://roscongress.org/materials/aleksey-chekunkov-v-novoy-globalnoy-sisteme-koordinat-rol-dalnego-vostoka-budet-vozrastat/>

² В 2018–2019 годы численность населения ДФО увеличилась почти на 2 млн человек, но это произошло только в связи с Указом Президента РФ от 03.11.2018 г. № 632 «О внесении изменений в перечень федеральных округов, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2000 г. № 849», по которому в состав ДФО вошли Забайкальский край и Республика Бурятия, до этого находившиеся в составе Сибирского федерального округа.

³ Демографическая характеристика Дальневосточного федерального округа. <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1741345657&tld=ru&lang=ru&name=demograficheskaja-harakteristika-dfo.pdf>.

селки Дальнего Востока – до двух миллионов рублей, для медицинских работников среднего звена – до одного миллиона»⁴. На пленарном заседании этого форума, глава Минвостокразвития А.О. Чекунков назвал *шесть уже принятых мер по увеличению кадрового потенциала ДФО*. Во-первых, это программа трудовой мобильности, которая обеспечивает приезжающим на Дальний Восток специалистам востребованных профессий компенсацию расходов на переезд в 4,5 раза выше, чем в среднем по стране⁵ (по этой программе ежегодно на Дальний Восток приезжает около тысячи специалистов). Во-вторых, ДФО определен приоритетной территорией для поддержки переселяющихся в Россию соотечественников, которым предусмотрены повышенные «подъемные», жилищная субсидия и пособие на время, пока они ищут работу (с 2006 г. на Дальний Восток переселилось более 70 тысяч человек). В-третьих, программы «Земский учитель», «Земский доктор / Земский фельдшер», выплаты которым увеличены в два раза по сравнению с другими регионами (за четыре года более трех тысяч человек воспользовались такой поддержкой).

В-четвертых, доступное арендное жилье: строится десять тысяч арендных квартир, которые сдаются по очень льготной цене – одна треть от рыночной для востребованных специалистов (в 2025 г. они будут предоставлены востребованным работникам предприятий, социальным работникам и участникам специальной военной операции). В-пятых, гранты на развитие университетов: отдельный дальневосточный раздел включен в программу «Приоритет-2030», отобраны 12 вузов, которые уже получили почти пять миллиардов рублей на развитие (в 2023 г. в вузы – участники программы поступило на три тысячи больше студентов, чем годом ранее, а до 2030 г. дальневосточный «Приоритет» предполагает привлечь дополнительно 40000 студентов). В-шестых, реализуется программа «Муравьев-Амурский» подготовки кадров для государственной службы из числа молодых людей, имеющих высшее образование, мотивированных работать на развитие Дальнего Востока (в 2024 г. 80 человек претендовали на одно место, на трех потоках обучились и обучаются 150 человек, каждый второй – из ДФО, 65 выпускников уже заступили на службу, до 2030 года предстоит подготовить 300 человек).

Однако трудновыполнимость «удержания населения» на территории ДФО и Арктики и обеспе-

чения ее необходимым числом подготовленных кадров только за счет перечисленных мер становится все яснее. Это объясняется, как минимум, пятью обстоятельствами. Во-первых, в стране неуклонно сокращается общая численность постоянного населения: в 2023 г. естественная убыль составила 0,5 млн человек, и согласно среднему варианту демографического прогноза Росстата⁶ к началу 2030 г. численность населения страны по сравнению с началом 2024 г. сократится на 2,9 млн. Увеличивается число субъектов РФ, в которых естественная убыль населения растет: в 2023 г. их стало 70 по сравнению с 46 в 2016 г. Во-вторых, в России трудно рассчитывать на демографическое чудо: суммарный коэффициент рождаемости снижается около десяти лет. В 2023 г. он упал до 1,41 рождения на одну женщину, а число родившихся в этом году младенцев составило всего 1,265 млн, став минимальным с 1999 года.

В-третьих, нехватка кадров стала общероссийской проблемой и решать ее на Дальнем Востоке и в Арктике за счет переселения из других регионов будет все сложнее. Согласно тому же прогнозу Росстата, численность населения страны в трудоспособном возрасте к 2030 году остановится на 87,3 млн человек, после чего перестанет расти. Ожидается что это создаст общий дефицит рабочей силы более 2 млн человек. В-четвертых, для решения задачи «удержания» в ДФО следует учитывать многолетнюю тенденцию сокращения численности населения в других макрорегионах России, где потребности в кадрах не меньше, чем на Дальнем Востоке. Так, еще в 2018 г. исследователи отмечали, что за последние 25 лет численность населения Арктической зоны Российской Федерации сократилась на 20 %, и что основной причиной этого стал масштабный миграционный отток населения в другие, более благоприятные регионы страны по климату и экономическим возможностям [9]. Исследования российских авторов [10,11] свидетельствуют о множестве и, главное, постоянстве причин для миграции людей из нашей Арктики. В-пятых, прогнозируется отток населения и с территорий Дальнего Востока. По данным социологического опроса, проведенного Центром социального проектирования «Платформа» в 2023 г., 33% опрошенных хотели бы уехать из макрорегиона, 16% были готовы к отъезду в ближайшее

⁴ Пленарное заседание девятого Восточного экономического форума // Официальный сайт Президента Российской Федерации, 5 сентября 2024 г. (<http://www.kremlin.ru/events/president/news/75029>).

⁵ Далее в скобках приведены данные из доклада министра о результативности таких мер.

⁶ Росстат опубликовал демографический прогноз до 2046 года (URL: rosstat.gov.ru/folder/313/document/220709). Прогноз составлен без учета численности населения, проживающего в новых регионах России (Донецкая Народная Республика, Луганская Народная Республика, Запорожская и Херсонская области). Подробнее см.: <https://www.rbc.ru/newspaper/2024/03/26/66014d649a79476bc9717e3e>

время, 17% – в более отдаленной перспективе, причем это было почти в равной мере характерно и для молодежи, и для людей старшего возраста.

Впервые после Великой отечественно войны, когда миллионы трудоспособных мужчин и женщин ушли на фронт, почти везде стали ощущаться и возрастать системные риски нехватки квалифицированных работников на производстве и в строительстве. Если в давние военные годы рабочих и строителей разных профессий смогли частично заменить подростки допризывного возраста, то сейчас это практически невозможно: и молодое поколение, и его представления о предпочтительной работе стали принципиально иными. Означает ли все это, что в принципе невозможно предупредить системные риски нарастающей нехватки кадров? Разумеется – нет, но для этого потребуются пересмотреть сложившиеся представления о подходах к решению кадровых проблем и признать, что все принимаемые меры «удержания населения» в общественно значимых регионах (преференции и льготы) уместны, но недостаточны. Должна быть поставлена и решена труднейшая государственная задача – предупреждения системных рисков кадрового кризиса *уменьшением самой потребности в трудовых ресурсах* за счет научно-технического обеспечения роста производительности труда. Жаль, что целью нового национального проекта «Кадры» заявлено только удовлетворение потребности экономики в кадрах на основе *дополнительного вовлечения в занятость* и что в национальном проекте «Производительность труда» отсутствует позиция «Развитие отечественного производства технических средств повышения производительности труда».

3. Риски изменения антироссийской санкционной политики

В марте 2025 г., выступая на пленарном заседании съезда Российского союза промышленников и предпринимателей, Президент РФ В.В. Путин с ссылкой на данные Минфин России говорил о 28 595 санкций в отношении физических и юридических лиц и о том, что это больше, чем все санкции, введенные против других стран. О сути санкций как государственном вмешательстве в свободу международных экономических отношений, о видах и последствиях санкций имеется много отечественных и зарубежных публикаций. Только за два последних года автору удалось ознакомиться более чем с сотней книг и статей по этой проблематике. Среди них я выделяю и рекомендую читателям труд сотрудников Российского совета по

международным делам⁷, в котором разобраны ключевые понятия, критерии эффективности санкций, институты и механизмы политики санкций крупных держав, структура риска для частных компаний и корпораций в связи с применением санкций (в том числе вторичных), уголовного и административного преследования за нарушение режима санкций. Авторы обращают внимание на то, что роль санкций в современных международных отношениях выходит за рамки чисто технического средства принуждения одних стран к выполнению воли других [12]. Справедливо замечено также, что санкции превращаются в индикатор трансформации властных отношений между государствами, их суверенитета и образуемой ими иерархии международных отношений [13].

Санкционное давление на Россию усилилось после 2014 г. и многократно возросло в 2022 г. с началом специальной военной операции, когда «коллективный Запад» стал использовать весь набор односторонних ограничительных мер. Да, они различны по масштабу воздействия (от страны в целом до конкретного физического лица), но едины как попытки ограничения развития и насильственного снижения экономического, социального и оборонного потенциала государства. Сегодня существует несколько путей «обхода санкций», и один из них – так называемый параллельный импорт, то есть схема закупки ритейлерами товаров у небольших иностранных компаний, самостоятельно закупивших эти товары у их изготовителя⁸. Перечень товаров параллельного импорта был утвержден приказом Минпромторга России от 21 июля 2023 г. № 2701, но с 8 мая 2025 г. вступил в силу давно ожидаемый приказ Минпромторга России от 8 октября 2024 г. № 4611, разрешающий ввоз зарубежных товаров только ограниченного перечня брендов. Считается, что это поддержит отечественных производителей, начавших выпускать аналоги импортной продукции, и заинтересованных в расширении их продаж. Но основной реакцией на санкционное давление стало спровоцированное им импортозамещение.

Здесь и далее импортозамещение понимается как государственная политика и действия отдельных производителей, направленные на замену товарами отечественного производства товаров, ввозимых из-за рубежа и фактически используемых в экономике и социальной сфере. Импортозамеще-

⁷ Совет создан в соответствии с распоряжением Президента РФ № 59-рп от 2 февраля 2010г. «О создании некоммерческого партнерства “Российский совет по международным делам”».

⁸ Товары, полученные по схеме параллельного импорта менее всего контрафакты – они приобретаются по узаконенным лицензиям, сертификатам и таможенными декларациям.

ние сравнительно высокочатно, поскольку, как правило, замещаются импортные товары высокого качества и относительно недорогие в связи с эффектом масштаба их производства. Политика и практика импортозамещения ведут к формированию вынужденно самодостаточной национальной экономики, нарушающей постулаты открытости глобальной экономической и политической системы так же, как она нарушается инструментами санкций. В последние годы усиление импортозамещенной самодостаточности нашей экономики поддерживается идеологией и государственными решениями относительно экономического и технологического суверенитета [14] как важнейших компонентов суверенности России, закрепленной ряде статей Конституции. На нормативно-правовом уровне, согласно правительственной «Концепции технологического развития до 2030 г.», технологический суверенитет определяется как «наличие в стране (под национальным контролем) критических и сквозных технологий собственных линий разработки и условий производства продукции на их основе, обеспечивающих устойчивую возможность государства и общества достигать собственные национальные цели развития и реализовывать национальные интересы». Напомню, что первая федеральная программа государственной поддержки импортозамещения была утверждена Постановлением Правительства РФ от 15.04.2014 №328 (ред. от 06.10.2022) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности»⁹, и она определила неизменные до сих пор цели импортозамещения.

Состояние и перспективы импортозамещения в оценках на 2024 г. представлены в новейшем аналитическом материале экспертов аналитического проекта T-Data¹⁰, которые изучили обезличенные данные клиентов Т-Банка, открывавших новые предприятия в разных отраслях экономики с 2022 года по сентябрь 2024 г. Аналитики Т-банка пишут, что на маркетплейсах российских товаров меньше половины и что российские производители неактивно замещают зарубежные товары и услуги в секторе их приобретения в Интернете. Ни в одной из пяти крупнейших товарных категорий

на Wildberries и Ozon доля отечественного производства не превышает 50%, а по данным Института развития предпринимательства и экономики по импортозамещению вклад российских производителей выше всего среди производителей мебели (44%), а также одежды и обуви (41%).¹¹ Меньше всего доля товаров российского производства на маркетплейсах в категории «электроника» — всего 9%. А доля китайских товаров особенно велика в электронике (69%), производстве детских товаров (44%) и мебели (31%).

Эксперты отмечают, что в 2024 г. актуализировалась задача импортозамещения сложной продукции, когда необходимо либо самостоятельно разрабатывать новые технологии, либо получать их у нейтральных стран. Россия использует и то, и другое, но для достижения значимых результатов в разработке собственных технологий могут потребоваться десятилетия. И это связано с еще недостаточным уровнем технологического суверенитета в части самостоятельного производства сложного оборудования для выпуска простых потребительских товаров, а также электроники, сельскохозяйственного машиностроения, телекоммуникаций и многого другого. И общим препятствием тотальному импортозамещению остается низкая инновационная активность в экономике.

Жесткую, но реалистическую оценку состояния российского импортозамещения в ИТ-сфере дало 28 декабря 2024 г. Агентство CNews Analytics (CNA) — крупнейшее и авторитетнейшее в этой сфере. Подводя итоги последнего десятилетия, аналитики CNA утверждают, что хотя благодаря политике импортозамещения ИТ-рынок занимает первое место по темпам роста среди крупных отраслей экономики России, сроки полного импортозамещения, определенные правительством, вероятно, будут скорректированы. Пока что ИТ-инфраструктура российских компаний на 75% состоит из зарубежных разработок, а на объектах критической информационной инфраструктуры доля иностранного программного обеспечения составляет от 30 до 40%. Лишь 15–20% госкомпаний успевают импортозаместить программное обеспечение до конца 2024 г., и на смену западным ИТ-решениям часто приходят не отечественные, а китайские¹².

Заслуживает внимания интервью известного эксперта в сфере биомедицинских технологий,

⁹ Действует с учетом дополнений и изменений, внесенных 25 правительственными постановлениями; последнее известное автору — постановление № 1738 от 07.12.2024

¹⁰ T-Data — аналитический проект Т-Банка, который проводит исследования деловой и потребительской активности в России, используя собственные базы данных открытые данные Росстата, Центра конъюнктурных исследований НИУ ВШЭ, исследовательского Института развития предпринимательства и экономики и других аналитических центров.

¹¹ Одновременно отмечают, что реальная доля указанных российских предпринимателей может быть ниже, поскольку в ряде случаев шьют одежду из импортных материалов.

¹² Импортозамещение 2024: итоги и планы https://www.cnews.ru/reviews/importozameshchenie_2024_itogi_i_plany (дата обращения 04.04.25)

одного из разработчиков стратегии «Фарма-2020», доктора химических наук, главного научного сотрудника Федерального исследовательского центра проблем химической физики и медицинской химии РАН К. В. Балакина.[15] Он утверждает, что российский рынок почти полностью захвачен зарубежной фарминдустрией и по абсолютному большинству ключевых технологий Россия является чрезвычайно импортозависимой. Доля импортных лекарств в 2024 году составила в ценовом выражении примерно 55%, причем поставлялись они преимущественно из недружественных стран, что создает высокие риски непоставки из-за рубежа даже единичных наименований оборудования, расходных материалов, запасных частей и т.д. В структуре оставшихся 45% продаж, приходящихся на «локализованные» лекарственные препараты, львиную долю составляют те же импортные закупки – активных фармсубстанций, других ингредиентов, материалов и т.д. Автор приводит примеры получивших зарубежное признание отечественных разработок великолепных препаратов и анализирует причины их крайне медленного вхождения на российский рынок.

Все это так, но не будем преуменьшать результаты достигнутого всего за 10 лет после того, как импортозамещение в масштабах страны стало безальтернативным выбором большинства отечественных производителей. Насколько ответственным и трудным был этот выбор можно судить на примере импортозамещения в производстве семян отечественной селекции после десятилетних разрушений советского семеноводства и уверений реформаторов первой волны: «все можно купить на дружественном Западе». Согласно «Доктрине продовольственной безопасности РФ», к 2030 году уровень самообеспечения семенами основных сельскохозяйственных культур отечественной селекции должен составлять не менее 75%. В 2024 г. по данным Минсельхоза России доля таких семян возросла за год на 5,1% и в среднем на рынке составила 67,6%, однако, например, при выращивании масличных культур в Уральском и Сибирском федеральных округах использовалось только 44 и 43% семян подсолнечника отечественной селекции, а в центральной России – всего 9%. Почти все семена картофеля производятся внутри страны, но они – импортной селекции, а отечественные сорта составляют всего 8–10% от общего объема. Объясняется это тем, что на создание нового сорта и выход его на рынок нужно 10–12 лет и, несмотря на финансовую поддержку государства и усилия российских селекционеров, пока что приходится получать семенной кар-

тофель путем репродукции из материалов иностранных сортов.¹³

Закончится ли когда-нибудь санкционный гнет? Сможет ли ему полностью противостоять российская политика и практика импортозамещения? Может ли какое-либо государство стать абсолютно самодостаточным¹⁴ и не зависящем от импорта? Ответ на три этих вопроса один: маловероятно и почти невозможно. Мощные государства освоили технологии установления санкций как невооруженного воздействия на страны-конкуренты, успешно сочетают его с нерыночными методами защиты собственного рынка (теми же аномально высокими таможенными сборами) и пока что не собираются от них отказываться. Но, может быть, просто еще не пришло время использовать для разрушения экономики, социальной сферы и политических основ государства оружие снятия санкций – *лучшего пути превращения его в абсолютно импортозависимое*, такое, например, какой более 15 лет была постперестроечная Россия?

Фантастично? Трудно представимое и поэтому официально не прогнозируемое кардинальное уменьшение антироссийского санкционного давления может стать явью, если этого пожелают «недружественные страны» для очередного ослабления нашей страны. Тогда начнется аннексия ряда сегментов российского рынка, ныне занятых производителями импортозамещенной, но не импортонезависимой продукцией. Каковы системные риски реализации этого «невероятного» сценария для России? Их много, но я назову только 3 наиболее очевидных.

1. Системные риски внесанкционного снижения потребности в высокотехнологичной и трудозатратной продукции крупных предприятий отечественного автомобилестроения, авиапромышленности, судостроения и производства железнодорожного подвижного состава. В этих предприятиях ныне занято около 1 млн человек и примерно столько же – на предприятиях, обеспечивающих поставки необходимых материалов и оборудования. По данным Росстата в 2024 г. только на предприятиях авиапрома было занято более 400 тыс. человек и более чем по 200 тыс. – на заводах автопрома, судостроения и железнодорожного подвижного состава. Номенклатура их продукции до-

¹³ Доля семян собственной селекции. https://yandex.ru/search/?text=доля+семян+собственной+селекции+в+посеве+зерновых%2C+масличных+и+картофеля&clid=2270456&search_source=dzen_desktop_safe&lr=213 (дата обращения 04.04.25)

¹⁴ Вероятно, такой может быть только страна с крайне низким уровнем потребления и наличием всех необходимых для этого ресурсов (продовольственных, энергетических и др.); в начале XXI в. в мире таких государств не было.

статочно широка. Так, по данным Росстата в 2024 г. российскими производителями железнодорожного подвижного состава выпущено 75 тыс. грузовых вагонов (максимальный объем выпуска после 1990-х гг.), 338 магистральных электропоездов, 291 маневровый тепловоз, около 400 трамваев и 450 метровагонов. Если после снятия санкций продукция этих производств будет замещена более дешевым и относительно качественным импортом хотя бы на треть, то работу могут потерять (с учетом смежников) более полумиллиона человек с весьма малыми возможностями найти другую работу.

2. Системные риски внесанкционного функционирования средних и малых производств, достигших различных успехов в импортозамещении. Рассмотрим эту ситуацию на примере всего двух отраслей отечественной легкой промышленности (швейной и обувной), для функционирования которых приняты государственные программы поддержки импортозамещения и предусмотрены налоговые льготы для производителей. С 2022 г. российский рынок стали массово покидать зарубежные производители одежды и, хотя последовательно реализуется стратегия импортозамещения, доля одежды произведенной на отечественных предприятиях в 2024 г. составила на российском рынке 65% и вряд ли возрастет. Эксперты связывают это с отставанием от мировых тенденций моды в среднем на два-три года, наличием теневого производства и нелегального импорта и, главное, вековыми традициями предпочтения части потребителей зарубежных товаров.

В наши дни из-за внесанкционного поступления на российский рынок китайского и вьетнамского (зона свободной торговли) импорта отечественные предприятия начали закрываться, причем не только средние и небольшие обувные фабрики, но за ними и цеха по производству комплектующих, заготовок, колодок, стелек. Одной из причин сокращения ряда площадок обувного гиганта «Юничес», по мнению его руководства, стало удорожание кредитов и ужесточение конкуренции со стороны Китая, производящего 56% мирового производства обуви, имеющего возможности для использования самых современных технологий и оборудования и обеспечивающего низкую себестоимость продукции (это стимулирует размещать на китайских фабриках производство некоторых российских марок обуви и аксессуаров из кожи). К тому же часть китайской обуви попадает на российский рынок без уплаты таможенных пошлин. Что-то сходное с этим и в отношении ничем не ограниченного импорта вьетнамской обуви, например, кроссовок, качество которых соответ-

ствует требованиям ЕС, а цена рассчитана на массового покупателя.

3. Системные риски постсанкционного изменения общественных настроений. Подсанкционная жизнь формирует специфический тип восприятия происходящего с оценками санкций не только как так называемых «вызовов», но и как стимула обретения самодостаточности и научно-технологического суверенитета. Известно также, что именно «вызовы» в значительной мере консолидируют общество, способствуют предприимчивости (вспомним, например, о «народном» оборонно-промышленном комплексе), оправдывают вынужденные бытовые тяготы и т.д. Поэтому снятие санкций может восприниматься как своеобразное «раскрепощение» общественного и индивидуального поведения времени «санкционной агрессии». Не исключено, что будут иначе восприниматься доводы о воспитании патриотизма и упрочения традиционных ценностных оснований нашего общества и потребуются дополнительная аргументация благотворности национальной идентичности. Отечественным кинематографу и книгоиздательству придется все более конкурировать с зарубежной масс-медиа всех видов. В тоже время поводов для общественного недовольства может стать больше, и основная их часть будет следствием сокращения занятости и закрытием различных производств из-за вытеснения их продукции хлынувшим в страну импортом.

Можно ли хоть как-то подготовиться к маловероятному, но потенциально возможному системному риску отмены санкций? Разумеется, да, но для этого необходимо *дополнение политики импортозамещения практикой импортоконкуренции*, задачей которой должен стать переход к производству товаров, не уступающих по качеству и цене потенциально импортным, т.е. обладающих настолько явными конкурентными преимуществами, которые способны сделать товары внутреннего рынка от обуви до самолетов наиболее привлекательными для любого отечественного потребителя. И это должно быть не безрассудной реакцией защиты отечественного рынка, а результатом системной оценки всех «плюсов» и «минусов» такой защиты и предметом совмещения государственной политики импортоконкуренции с использованием всех способов вне рыночного регулирования (перечни запрещенных к ввозу товаров, квоты, таможенные пошлины и пр.). Как ни парадоксально, но риски «открытия границ» прекрасно иллюстрирует практика импорта из «дружественных» стран тех же автомобилей, одежды и обуви. Наши производители пока не в состоянии противопоставить им свою импортоконкурентную продукцию и начина-

ют проигрывать, попросту уходя с отечественного рынка. В нашей стране с санкционными рисками как с данностью смирились и свыклись, начали все более уверенно возмещать санкционные потери импортозамещением и по многим позициям в короткие сроки уже добились ощутимых результатов. Но системные риски снятия санкций при всей его кажущейся невероятности полезно осознать хотя бы как повод для осмысленного движения от импортозамещения к импортоконкуренции - в любом случае надежному подспорью в мире конкуренции не только физических и юридических участников рыночных отношений, но и государств.

Литература

1. *Лексин В.Н.* Неопределенность, риски и устойчивость систем // Труды ИСА РАН. 2022. Т. 72. № 1. С. 3-14.
2. *Лексин В.Н.* Неопределенность и риски реализации управленческих решений в условиях латентности и лоббизма // Труды ИСА РАН. 2023. Т. 73. №3. С. 81-91.
3. *Dowding K., Kimber R.* The meaning and use of "political stability" // *European journal of political research*. 1983;11(3):229-243.
4. *Караванова И.В.* Системный кризис 2022: теоретический аспект // *Федерализм*. 2022. № 2. С. 46-61.
5. *Талиб М.Н.М.* Понятие системного кризиса как категории политической науки // *Теории и проблемы политических исследований*. 2022. Т. 11. № 5А. С. 59-65.
6. *Rosenthal U.* The World of crises and crisis management // *Coping with crises: The management of disasters, riots, and terrorism*. Springfield. 1989. P. 3-33.
7. *Андреев Е.М., Вишневский А.Г.* Вызов высокой смертности в России. «Народонаселение». 2004. № 3. С. 75-89.
8. *Михеева А.Р.* Рождаемость и брачность в современной Сибири. Опыт анализа на макро- и микроуровне. «Вестник Новосибирского гос. ун-та». Серия: Социально-экономические науки. 2005. Т. 5. Вып. 2. С. 83-99.
9. *Дружинин П. В.* Выявление факторов, влияющих на динамику численности населения муниципальных регионов Европейского Севера // *Север и рынок: формирование экономического порядка*. 2023. № 3. С. 78-91.
10. *Ефимов И.П., Гуртов В.А., Степун И.С.* Кадровая потребность экономики Российской Арктики: взгляд в будущее // *Вопросы экономики*. 2022. №8. С.118-132.
11. *Хотеева Е.А., Степун И.С.* Миграция населения в Российской Арктике в статистических оценках и практике управления регионами // *Проблемы развития территории*. 2023. № 2. С. 110-128.
12. *Тимофеев И.Н., Рождественская О.С., Соколова Т.С., Чуприянова П.И.* Политика санкций: понятие, институты, практика: учебно-методические материалы. М.: НП РСМД. 2024. 96 с.
13. *Тимофеев И.Н.* Принуждение непокорных: идеальный шторм санкционной войны. Доклад международного клуба «Валдай». М.: Международный клуб «Валдай». 2019. 24 с.
14. *Юревич М.А.* Технологический суверенитет России: понятие, измерение, возможность достижения // *Вопросы теоретической экономики*. 2023. № 4. С. 7-21.
15. *Мазурова Л.* От идеи до аптеки, увы, непростой путь. Почему, несмотря на стратегию импортозамещения, лекарства и фармсубстанции мы по-прежнему везем из-за рубежа? // *Литературная газета*, 16-22 апреля 2025.

Лексин Владимир Николаевич. Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» Российской академии наук, г. Москва, Россия. Главный научный сотрудник. Доктор экономических наук, профессор. Область научных интересов: системная диагностика общественно-политических и социально-экономических процессов, регионалистика. E-mail: leksinvn@yandex.ru

Systemic Risks and the Possibility of Preventing Their Consequences

V.N. Leksin

Federal Research Center “Computer Science and Control” of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract. The article examines the essence, genesis, and potential possibility of preventing the consequences of systemic risks, which are fundamentally different from the abnormally high level of uncertainty associated with decision-making in the field of project management in transport and logistics, production, urban planning, and other areas. It is shown that systemic risks often arise in the turbulent environment of modern socio-political and socio-economic processes and have a multifaceted impact on the structure and internal connections of complex anthropogenic systems. Anticipating the emergence and intensification of such risks, as well as preparing in advance for their consequences, is complex but possible, as illustrated by two hypothetical management responses.

Keywords: *systemic risks, uncertainties, anthropogenic systems, transformations, depopulation, human resources potential, sanctions.*

DOI: 10.14357/20790279250301 **EDN:** SLRZAE

References

1. Leksin V.N. Neopredelennost, riski i ustoichivost sistem // Trudi ISA RAN. 2022;72(2):3-14.
2. Leksin V.N. Neopredelennost i riski realizatsii upravlencheskikh reshenii v usloviyakh latentnosti i lobbizma // Trudi ISA RAN. 2023;73(3):81-91.
3. Dowding K., Kimber R. The meaning and use of “political stability” // European journal of political research. 1983;11(3):229-243.
4. Karavaeva I.V. Sistemnii krizis 2022: teoreticheskii aspekt. // Federalizm. 2022;2:46-61.
5. Talib M.N.M. Ponyatie sistemnogo krizisa kak kategorii politicheskoi nauki // Teorii i problemi politicheskikh issledovaniy. 2022;11(5A):59-65.
6. Rosenthal U. The World of crises and crisis management // Coping with crises: The management of disasters, riots, and terrorism. Springfield. 1989. P. 3-33.
7. Andreev Ye.M., Vishnevskii A.G. Vizov visokoi smertnosti v Rossii. «Narodonaselenie». 2004;3:75-89.
8. Mikheeva A.R. Rozhdaemost i brachnost v sovremennoi Sibiri. Opit analiza na makro- i mikrourovne. «Vestnik Novosibirskogo gos. un-ta». Seriya: Sotsialno-ekonomicheskie nauki. 2005;5(2):83-99.
9. Druzhinin P.V. Viyavlenie faktorov, vliyayushchikh na dinamiku chislennosti naseleniya munitsipalitetov regionov Yevropeiskogo Severa // Sever i rinok: formirovanie ekonomicheskogo poryadka. 2023;3:78-91.
10. Efimov I.P., Gurtov V.A., Stepus I.S. Kadrovaya potrebnost ekonomiki Rossiiskoi Arktiki: vzglyad v budushchee // Voprosi ekonomiki. 2022;8:118-132.
11. Khoteeva Ye.A., Stepus I.S. Migratsiya naseleniya v Rossiiskoi Arktike v statisticheskikh otsenkakh i praktike upravleniya regionami // Problemi razvitiya territorii. 2023;2:110-128.
12. Timofeev I.N., Rozhdestvenskaya O.S., Sokolova T.S., Chupriyanova P.I. Politika sanktsii: ponyatie, instituti, praktika: uchebno-metodicheskie materialy. M.: NP RSMD. 2024. 96 p.
13. Timofeev I.N. Prinuzhdenie nepokornikh: idealnii shtorm sanktsionnoi voyni. Doklad mezhdunarodnogo kluba «Valdai». Moscow: Mezhdunarodnii klub «Valdai». 2019. 24 p.
14. Yurevich M.A. Tekhnologicheskii suverenitet Rossii: ponyatie, izmerenie, vozmozhnost dostizheniya // Voprosi teoreticheskoi ekonomiki. 2023;4:7-21.
15. Mazurova L. Ot idei do apteki, uvi, neprostoi put. Pochemu, nesmotrya na strategiyu importozameshcheniya, lekarstva i farmsubstantsii mi po-prezhnemu vezyom iz-za rubezha? // Literaturnaya gazeta, 16-22 aprelya 2025.

Vladimir N. Leksin. Federal Research Center “Computer Science and Control” of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia. FIC “Computer Science and Management”. Chief Researcher. Doctor of Economics, Professor. Research interests: system diagnostics of socio-political and socio-economic processes, regional studies. E-mail: leksinvn@yandex.ru